

Стоило лишь представить, что именно находится внутри этих сейфов, наваленных рядами и громоздящихся почти как небольшие холмы, как по коже пробежал мороз.

— Там что... везде живые люди?

Чжань Чуань от страха едва языком ворочал. Произнося это, он и сам чувствовал, насколько всё происходящее абсурдно. Для рыбака, который постоянно таскался по морским впадинам и речным берегам, даже всех знакомых людей вместе взятых, пожалуй, не набралось бы столько, сколько здесь стояло этих «сейфов».

Скрежет ногтей по металлу становился всё чаще и пронзительнее. Цуй Сянь мгновенно принял решение: схватил Чжань Чуаня, потащил за собой цзяожэня и со всех ног рванул наружу. Юань Чжэнчу без лишних слов остался прикрывать отход.

— Подожди, сейчас они все вылезут, тогда и узнаешь, — бросил Цуй Сянь и сунул Юань Чжэнчу живую душу, привязанную Цепью запирания душ.

— У тебя приёмов больше. Допроси его!

После поимки живая душа всё это время притворялась мёртвой, но стоило попасть в руки Юань Чжэнчу, как она наконец начала бояться.

Юань Чжэнчу и Цуй Сянь были совершенно разными. В детстве Цуй Сяню техникой запечатывания души закрыли воспоминания об обучении даосским искусствам. И хотя теперь, благодаря стечению обстоятельств, печать оказалась снята, к собственной личности и способностям он по-настоящему ещё не привык. Для него большинство трактатов и техник из памяти пока оставались лишь знаниями на бумаге: он понимал, что это такое, но применять толком не умел. Даже Цепь запирания душ, которой воспользовался сегодня, он освоил лишь потому, что однажды увидел, как Юань Чжэнчу ею обездвигил цзяожэня. После этого долго разбирался сам и частенько тренировался на призраках, которые по ночам приходили к дверям просить очищения и перерождения, пока наконец не научился более-менее уверенно пользоваться техникой.

Юань Чжэнчу был совсем другим. С пяти лет, едва научившись держать меч, он уже следовал за учителем в глубины Шиваньдашаня, изгоняя демонов и уничтожая нечисть. Людей он за свою жизнь видел не так уж много, а вот демонов перебил немало. Холодный лицом и безжалостный в бою, если уж вступал в схватку, действительно бил насмерть.

Поэтому, получив живую душу в руки, он даже не стал сначала задавать вопросы. Мощная ци вокруг него резко вспыхнула, и одним движением он отсёк душе руку. А затем, словно нарезая сырую рыбу тонкими ломтями, начал наносить удар за ударом. И душа могла лишь в ужасе смотреть, как от неё постепенно остаётся едва ли не один костяк.

Если живая душа превращалась в такое состояние, то даже вернувшись в тело и ожив, человек

уже был бы погублен. А после смерти ему пришлось бы проходить круг перерождений, рождаясь насекомыми и мелкой тварью, понемногу восполняя повреждённую душу, и лишь после этого у него когда-нибудь появился бы шанс снова родиться человеком.

Живая душа мучительно выла, словно вот-вот заплачет кровью, но из четырёх человек трое были заняты тем, что спасались бегством, кому было до неё дело?

Юань Чжэнчу даже бровью не повёл. Меч снова взметнулся и опустился.

В конце концов живая душа не выдержала.

— Я... я скажу! Всё скажу!

Юань Чжэнчу холодно спросил:

— Где узел формации?

— Не... не знаю.

Сказав это, душа тут же испугалась, что разгневает стоявшего перед ней убийцу, и поспешно добавила:

— Здесь нет формации! Это Высший храм Цзована! Я... я всего лишь хранитель храма! Даос, пощадите!

Что ещё за Высший храм Цзована? Юань Чжэнчу достаточно было услышать название, чтобы понять: речь идёт о каком-то диком злом божестве, не признанном истинной традицией. В нынешние смутные времена, когда мир погружался в хаос, а сердца людей темнели, подобные сущности тоже плодились во множестве. По сравнению с такими вещами даже свирепые злые духи и зловещие призраки были проще в обращении, потому что подобные сущности всегда были неразрывно связаны с «людьми», и разбираться с ними было особенно хлопотно.

Когда Юань Чжэнчу ещё ребёнком ходил с учителем по горам изгонять нечисть, им уже доводилось сталкиваться с чем-то подобным. Та злая сущность укоренилась во всей деревне, управляла живыми людьми и заставляла их по собственной воле приносить ей жертвы, добровольно становиться её последователями, превращаясь в ходячие трупы. В конце концов жители той деревни почти все погибли. Но даже масштаб той трагедии и близко не мог сравниться с этими «сейфами» в подземелье.

Слишком нагло.

Юань Чжэнчу посмотрел на троих, которые бежали впереди, и понял, что сейчас не лучшее

время вступать в серьёзный бой.

— Зачем вы хотели схватить цзяожэня?

— Э-э... скоро наступит время нисхождения в мир Высшего почтенного Цзована. Посланник божества сказал, что если принести в жертву внутреннее ядро цзяожэня, это будет куда действеннее, чем тысячи и тысячи обычных человеческих столпов.

Юань Чжэнчу раздражало, что живая душа говорит слишком медленно.

— Где этот посланник? И откуда вы набрали столько живых людей для человеческих столпов? Говори!

Живая душа уже до крайности боялась Юань Чжэнчу, поэтому, как бы ни была предана этому своему Высшему почтенному Цзовану, сейчас ей всё же пришлось выдать, где находится божественный посланник.□□

Но как раз в тот момент, когда живая душа открыла рот, собираясь заговорить, её глаза внезапно выпучились, а лицо исказил ужас.

— Почтенный бог! Почтенный бог! Этот ученик не предавал веру! Почтенный бог!

Он даже не успел как следует взмолиться о пощаде, как голова души резко вздулась и с грохотом взорвалась.

Юань Чжэнчу отшвырнул остатки и крикнул бегущему впереди Цуй Сяню:

— На живой душе стоял запрет. Стоило его задеть, и она погибла. Быстрее, беги! Здешнее злое божество через этот запрет уже обнаружило нас.

Цзяожэнь с огромным хвостом был ужасно тяжёлым, и Цуй Сянь уже задыхался от бега.

— Что? Какое ещё злое божество? Какой запрет?

Едва он договорил, как позади, в подземелье, раздался оглушительный грохот падающего металла. Обернувшись, они увидели, что громоздившиеся целыми холмами сейфы один за другим задвигались и посыпались вниз. Находившиеся внутри «люди» словно наконец проснулись и начали выползать наружу. У одних не было рук и ног, другим выкололи глаза, у третьих была вскрыта брюшная полость, но все без исключения были густо утыканы ароматическими палочками в тех местах, где чего-то не хватало или зияли пустоты.

Стоило им выбраться из сейфов, как благовония начали бешено разгораться. Всё подземелье быстро заволокло густым дымом, наполненным странным ароматом, от которого кружилась голова и мутилось сознание.

Никто ничего не говорил. Все лишь изо всех сил бежали вперёд.

— Быстрее! Впереди Врата Жизни!

Цуй Сянь тоже разбирался в пяти стихиях и восьми триграммах. Правда, в детстве он просто насильно выучил всё это наизусть, но теперь, постоянно находясь рядом с Юань Чжэнчу, уже освоил большую часть на практике.

Неизвестно, делал ли Юань Чжэнчу это намеренно или просто привык так говорить, но стоило Цуй Сяню спросить: «Где лежит такая-то вещь?», как тот никогда не отвечал ни «спереди», ни «сзади», ни «слева», ни «справа», ни даже называл стороны света. Он говорил: Отдых, Жизнь, Ранение, Преграда, Видение, Смерть, Испуг и Открытие. Так что Цуй Сяню поневоле приходилось напрягать мозги и каждый раз рассчитывать направление по восьми триграммам и пяти стихиям.

Поэтому, когда они начали убегать из подземелья, он тоже почти инстинктивно направился к Вратам Жизни.

Позади человеческие столпы уже накатывали сплошной массой. Те, у кого не было ног, ползли на руках. У тех, кому распорол животы, следом волочились сердце, печень, селезёнка и лёгкие. Вид у всех был разный, но звуки, которые они издавали, заставляли холодеть изнутри.

В животном мире сильнее всего пугают именно смерть и безумие себе подобных.

В критический момент Цуй Сянь первым вытолкнул Чжань Чуаня за дверь выхода, а затем собирался переправить следом цзяожэня. Но стоило тому оказаться за дверью, как вся чешуя на его теле мгновенно вздыбилась, и он открыл рот, издав пронзительный боевой крик.

Цуй Сянь тут же высунулся наружу, пытаясь схватить Чжань Чуаня, но было уже поздно. Тот стоял впереди в коридоре с пустым, безжизненным взглядом, а затем шаг за шагом двинулся вперёд. А в самом конце коридора Врат Жизни стоял обезглавленный человек с телом великана. Из пустой шеи сочилась чёрная кровь, а вся культия была густо утыкана ароматическими палочками. Опушенными руками он бережно держал собственную голову - ту, что прежде должна была находиться у него на плечах.

Безголовый стоял в тусклом, мрачном свете в конце длинного коридора. Освободив одну руку, всю перепачканную кровью из отрубленной шеи, он медленно поманил Чжань Чуаня к себе.

Голова в другой его руке тихо бормотала:

— Отринь тело, отвергни разум, покинь облик и оставь знание и сольёшься с Великой Всеобщностью*.

(ПП: Это цитата из «Чжуан-цзы» (глава «Великий учитель»), одного из основополагающих даосских текстов. Это инструкция к состоянию истинной свободы: отказ от всего, что привязывает человека к ложному «я» - тела, интеллекта, знаний и внешней формы.)

Чжань Чуань без малейшего колебания шагнул к нему и сам, запинаясь, начал повторять ту же фразу:

— Отринь тело... отвергни разум... покинь облик и оставь знание... сольёшься с Великой Всеобщностью...

— Чжань Чуань! Очнись!

Но Чжань Чуань его совершенно не слышал и продолжал идти вперёд. Цуй Сянь тут же бросился следом. Если не успеть вернуть его сейчас, ещё немного, и Чжань Чуань, чего доброго, сам отрубит себе какую-нибудь часть тела, а потом и его утыкают благовониями.

Но цзяожэнь находился впереди Цуй Сяня и был гораздо ближе к Чжань Чуаню и безголовому. И Цуй Сянь собственными глазами увидел, как обычно добродушный и простодушный цзяожэнь вдруг изменился. Его синие волосы стремительно удлинились, во рту выросли острые клыки, а от всего тела повеяло холодной, зловещей силой, совершенно не похожей на прежнюю.

Он открыл рот и выплюнул собственное внутреннее ядро.

— Да твою ж! Мы только-только эту штуку запечатали! Столько народу спит и видит, как бы её заполнить, а ты зачем сам её выплёвываешь?! Не добавляй проблем!

Тем временем человеческие столпы, которых Юань Чжэнчу всё это время сдерживал позади, тоже постепенно окружили их. Перебить их всех было нельзя. В конце концов, эти человеческие столпы всё ещё в каком-то смысле оставались живыми людьми. А убивать людей и убивать демонов всё-таки не одно и то же.

Они оказались зажаты с двух сторон.

Огоньки благовоний мерцали, дым клубился в воздухе, и в этом туманном, жутком, словно бесконечном коридоре бесчисленные человеческие столпы единым голосом без конца повторяли:

— Отринь тело, отвергни разум, покинь облик и оставь знание и сольёшься с Великой Всеобщностью.

— Отринь тело, отвергни разум, покинь облик и оставь знание и сольёшься с Великой Всеобщностью.

Цуй Сянь начал покрываться холодным потом. К горлу подкатила тошнота, голова закружилась, перед глазами всё стало двоиться. Обветшалый коридор торгового центра постепенно исказился, поплыл и в конце концов превратился в величественный, уходящий ввысь храмовый зал.

Высоко над всеми восседало сияющее «божество». Тысячерукое, тысячеглазое, исполненное милосердия и всемогущества. Казалось, оно было спасением для всех заблудившихся в этом мире. В окружении сидящих кругом верующих оно проповедовало своё учение:

— У меня есть Путь сидячего забвения. Обретший его станет бессмертным. Ныне дарую его всем живым существам.

— Отринь тело, отвергни разум, покинь облик и оставь знание и сольёшься с Великой Всеобщностью.

Цуй Сянь понемногу поддался этому божественному сиянию. Он уже не смел поднять глаза, а в глубине души невольно захотел повторять следом эту формулу обретения бессмертия.

— Отринь... отринь... отринь...

Но в голове вдруг сами собой начали всплывать воспоминания о прожитой жизни. В раннем детстве отец и дед бережно оберегали его и говорили:

— Сяньвацзы, не бойся. Однажды все учения сойдутся к единому истоку, и ты сможешь восстановить порядок Неба и Земли.

В юности третья тётушка гладила его по голове:

— Сянь-эр, я пойду первой. Буду ждать тебя там. Однажды мы непременно встретимся снова.

Когда он стал старше, какой-то человек одним ударом ноги распахнул дверь его старой усадьбы. Пара острых глаз феникса пристально посмотрела на него, и тот человек сказал:

— Твоя фамилия Цуй.

Цуй?

Да.

Моя фамилия Цуй.

Меня зовут... меня зовут...

Его собственный голос вдруг слился с другим голосом, и этот звук, словно удар огромного храмового колокола, тяжело прокатился прямо через сердце.

— Цуй Сянь!

В тот же миг пелена перед сознанием словно разлетелась вдребезги. Разум Цуй Сяня мгновенно прояснился, став необычайно чистым и ясным.□□

Когда Цуй Сянь снова посмотрел на стоявшее впереди «божество», всё предстало в истинном виде. Его тысяча рук и тысяча глаз были разной формы, даже цвет кожи отличался - с первого взгляда было ясно, что всё это отнято у разных людей и затем сшито воедино. Под маской милосердия скрывалась злобная, жадная ухмылка, а «божественное сияние», окружавшее всё тело, оказалось лишь слоями чёрной скверной ци, не рассеивавшейся годами.

«Божество» раскрыло огромную кровавую пасть и заревело на него:

— Отринь тело, отвергни разум, покинь облик и оставь знание и сольёшься с Великой Всеобщностью! Обретёшь это и станешь бессмертным! Читай! Читай за мной!

Цуй Сянь поднял голову и прямо, без малейшего страха посмотрел на него.

— Стать бессмертным? Да пошёл ты со своим бессмертием.

С этими словами он выдернул Цепь связывания душ и бросился навстречу. Цепь с грохотом обрушилась на статую и разнесла её вдребезги. Цуй Сянь наконец окончательно пришёл в себя. Открыв глаза, он увидел всё тот же обветшалый коридор торгового центра, а Чжань Чуань по-прежнему медленно шёл вперёд. Ему казалось, будто в иллюзии прошла целая вечность, но, очнувшись, он понял: в действительности минуло лишь мгновение.

— Цуй Сянь.

Тот же голос. Именно так его только что звали в иллюзии. Цуй Сянь обернулся и увидел Юань Чжэнчу прямо за собой. Тот крепко держал его за руку, а длинный меч за его спиной гудел, словно рычал.

Цуй Сянь улыбнулся:

— Со мной всё нормально. Сначала спасём Чжань Чуаня. И ещё немного силы одолжи.

Юань Чжэнчу глубоко посмотрел на Цуй Сяня, который собственными силами вырвался из наваждения, затем наклонился и поцеловал его...

Короткая передышка закончилась почти мгновенно. Стоило обезглавленному заметить, что цзяожэнь выплюнул внутреннее ядро, как тот тут же раскрыл рот и громко заревел. Цуй Сянь собственными глазами увидел, как ароматические палочки, воткнутые в его шею, начали гореть ещё быстрее, а пламя даже приобрело мрачно-зелёный оттенок фосфорного огня.

— Плохо. Он собирается применить серьёзный приём.

Но Юань Чжэнчу в этот момент был занят: чтобы их не зажали с двух сторон, он сдерживал бесконечных человеческих столпов, наседавших сзади. Цуй Сянь быстро прикинул свои возможности. Большинство его техник всё-таки были предназначены для душ и существ мира Инь. Линия Судей куда лучше умела разбираться с призраками, чем с живыми людьми.

Интересно, они сегодня случайно угодили в эту ловушку или за всем действительно стояла чья-то рука, способная переворачивать облака и вызывать дождь?

Цуй Сянь усмехнулся. Если всё это и правда было кем-то специально устроено, значит, его изучили весьма основательно.

«Человеческие столпы» всё равно оставались «людьми». Пусть полумёртвыми, искалеченными, но всё ещё людьми. Убивать нельзя. А справиться с ними обычными методами почти невозможно.

Тогда Цуй Сянь достал ту самую чёрную нефритовую кисть, которая всё никак не желала писать, и с силой влил в неё позаимствованную магическую силу. Безжизненная обычно чёрная кисть постепенно засветилась.

Цуй Сянь оскалился в улыбке. Вот же штука - пока добычу не увидит, и пальцем не пошевелит.

Он прокусил палец и Кистью Судьи, собственной кровью, вывел на чёрной бумаге извилистый талисман. После этого использовал остатки магической силы как топливо. Чёрный талисман с гулким «фух» вспыхнул зелёным пламенем. Пепел закружился в воздухе, рассеялся, и из него стремительно вырвался наружу целый строй, подобный строго укреплённому городу.

Тем временем в метеорологическом управлении на окраине Фэн Сяофэн как раз закончил докладывать начальству о группе Цуй Сяня и особо подчеркнул, что Цуй Сянь обладает чрезвычайно сильной способностью подавлять и запечатывать скверную ци. Для них это было слишком важно. Фэн Сяофэн подумал: появление Цуй Сяня, возвращение Судьи в мир, наконец заставит весь мир мистических искусств и великие семьи понять, почему в прежние времена

род Цуй несколько поколений подряд стоял во главе этого мира.

Потому что именно их линия была незаменимым звеном нынешнего мира.

Он откинулся в кресле, глубоко задумавшись, как вдруг снизу с оглушительным воем сработал прибор обнаружения скверной ци. Фэн Сяофэн от неожиданности буквально подскочил с места, схватил магический артефакт и выпрыгнул прямо из окна третьего этажа.

— Что происходит?! Откуда поблизости взялось столько скверной ци?!

Неужели тот цзяожэнь вышел из-под контроля?

Остальные во дворе тоже не уступали ему в скорости: все уже вооружились и приготовились к бою.

В этот момент один из исследователей застыл с компасом в руках, безмолвно глядя в небо, а затем поднял руку и указал в сторону заброшенного торгового центра вдалеке.

— Начальник... Король призраков Чжоушаня поднял всех призрачных душ и злых духов города.

Все вышли разом!

Фэн Сяофэн в несколько шагов взлетел на крышу и принялся всматриваться вдаль.

Вдалеке, на окраине города, тот самый торговый центр, строительство которого остановили после того, как у застройщика случились проблемы, теперь был окутан густой чёрной ци. Свирепые призраки и злобная нечисть, каждый с клочком чёрного талисмана в руках, с визгом пикировали на здание.

Само по себе это было крайне необычно. Нужно понимать: Короли призраков и могущественные духи, эти местные властители, после того как драками делили между собой территории, почти никогда не переступали установленные границы. Мирно уживаться друг с другом для них было практически невозможно. Но сегодня они не только собрались вместе, но ещё и действовали сообща ради одной цели.

Всё это было до невозможности странно и зловеще.

Фэн Сяофэн снова посмотрел вниз. С самим торговым центром тоже было что-то не так. Он каким-то образом выдержал несколько волн атак. Однако вскоре, под совместным натиском Короля призраков и всевозможной нечисти, здание начало скрипеть и выгибаться, словно его перекручивали силой. Наконец один угол был разорван, и вся маскировка торгового центра разом слетела.

Заброшенное здание предстало в истинном виде. Повсюду, по углам и закоулкам, бесцельно бродили безликие люди. В комнатах здания и на площади снаружи огромное множество людей извивались в ритуальном танце вокруг статуи с множеством рук и глаз.

У всех этих людей не было рук. И не было глаз. Их вырубили и вырезали.

Даже сейчас появлялись новые верующие, которые с безумным смехом сами отрубали себе обе руки, вырывали глаза и подносили их статуе в жертву.

Этот участок находился далеко от центральных районов города, да и прохожих здесь почти не бывало, поэтому всё годами оставалось незаметным. Даже те, кто знал об этом месте, максимум ворчали: мол, бессовестный застройщик, построил половину и бросил, очередной недострой - дурное место. Никому и в голову не приходило, что внутри скрывается такое.

Фэн Сяофэн и его люди прежде уже проверяли этот объект. Тогда это была самая обычная заброшенная стройка. А теперь прямо у него под носом существовало подобное место.

Масштаб происходящего заставил всех сотрудников метеорологического управления заметно встревожиться.

Лицо Фэн Сяофэна стало мрачным.

— Сбор! Весь оперативный отряд, со мной. Группа связи, запросите всех оперативников из ближайших соседних городов и немедленно доложите наверх. Выдвигаемся!

Тем временем внутри торгового центра, в тот самый миг, когда из чёрного талисмана Цуй Сяня вырвалась сила, обезглавленный великан направился к цзяожэню, заслонившему собой Чжань Чуаня. Голова в его руке продолжала выкрикивать слова, а на груди тела внезапно разошлась огромная трещина. Внутри не было ни сердца, ни печени, вообще никаких органов. Лишь бесчисленные слои зубчатых пластин, похожих на ротовые аппараты насекомых, и вязкая зелёная слизь. Для этого существа скверная ци и обиды несправедливо погибших душ, накопившиеся в жемчужине цзяожэня из безбрежного океана, были поистине великой пищей.

Глаза на голове, которую безголовый великан держал в руке, бешено завертелись.

— Ха-ха-ха! Вот съем эту штуку, и какое там нисхождение Почтенного Цзована, всё это собачий бред! Все будут поклоняться мне! Я стану главой всех богов!

Даже отбиваясь от обезумевших человеческих столпов, Юань Чжэнчу всё же улучил мгновение и срочно метнул талисман, взорвав голову великана. Но для впавшего в безумие безголового чудовища потерять руку или ногу было пустяком, а голова и вовсе не имела особого значения. Его истинной сущностью была огромная пасть на груди.

Воплощение, имя которому Алчность.

Цуй Сянь громко крикнул:

— Быстро сюда!

И в тот же миг цзяожэнь резко хлестнул хвостом, заслоняя Чжань Чуаня, а затем запрокинул голову и запел. В отличие от тех пронзительных воплей, которыми он обычно доводил Цуй Сяня до бешенства, этот голос был прекрасным и мелодичным. Он напоминал шёпот возлюбленного, зов старого друга, колыбельную, и одновременно песнь упокоения души.

Запечатанная жемчужина цзяожэня внезапно завертелась, вновь исполняя ту обязанность, которую несла в океане, и бешено втягивая в себя всю скверную ци вокруг. Безголовый великан успел лишь вцепиться в хвост цзяожэня и вырвать кусок синей плоти, но внезапно пробудившаяся жемчужина тут же вытянула из его тела огромное количество скверной ци.

Большинство душ демонизировалось именно из-за скверны, но это злое существо, напротив, жило ею и черпало из неё саму основу своего существования. Такой удар заставил его отступить, но одновременно окончательно привёл в ярость.

Не зря практики готовы были разбить себе головы в борьбе за жемчужину цзяожэня. Даже будучи запечатанной, она всё равно могла сражаться с безголовым великаном на равных и даже понемногу начинала брать над ним верх.

Но тут пасть на груди великана издала яростный рёв. Человеческие столпы, которые вдалеке сражались с Юань Чжэнчу, безжизненно подняли головы. И в следующее мгновение эта пасть, словно кит, заглатывающий море, начала с чудовищной силой втягивать ци из их тел. Благовония, воткнутые в разные части человеческих столпов, вспыхнули ещё ярче.

Глядя на это, Цуй Сянь вдруг почувствовал: чудовище высасывает из них вовсе не скверную ци. Оно пожирает годы жизни этих живых человеческих жертв.

Но сейчас Цуй Сянь мог думать лишь о тех, кто находился прямо перед ним. Состояние цзяожэня было крайне опасным: продолжая в том же духе, он и сам мог демонизироваться.

И именно в этот момент снаружи вдруг раздался оглушительный грохот, а затем воющие призрачные тени начали просачиваться внутрь здания отовсюду - сквозь окна, щели под карнизами, даже через отражения в воде. Они проникали в эту прежде отрезанную от внешнего мира высотку, словно никаких физических преград для них не существовало.

Цуй Сянь воспрянул духом. Из последних сил он взмахнул Кистью Судьи и привёл в действие печать внутри жемчужины цзяожэня. Затем бросился вперёд и под прикрытием наскоившихся призрачных теней выхватил жемчужину, после чего одним движением запихнул её обратно в

рот всё ещё певшему цзяожэню.

— Хватит петь, подкрепление пришло! Защищай Чжань Чуаня, ложитесь на землю и не двигайтесь!

Он велел им не шевелиться потому, что слегка опасался: «подкрепление» может не слишком хорошо различать своих и чужих.

И факты тут же доказали, что опасался он не зря. Один совершенно чёрный призрак, не обращая никакого внимания на стены и прочие физические препятствия, с клочком чёрного талисмана призыва призраков Цуй Сяня в руке радостно и кровожадно разинул пасть и с глухим «дон» врезался прямо в Шэньцюэ Инь и Ян.

Юань Чжэнчу уже почти обезумел от боя и совершенно не разбирал, что именно перед ним. Он тут же поднял меч, собираясь рубить.

Цуй Сянь аж взорвался от бессилия. Не оттого, что призрак был безнадёжен. Оттого, что призраки вообще были безнадёжны.

— Ты слепой, что ли?! Не туда полез! Это наши!

Юань Чжэнчу удивлённо покосился на Цуй Сяня, а затем просто пнул ошарашенного призрака в его сторону. Тот перекатился прямо к ногам Цуй Сяня, всё ещё держа в руках кусок талисмана призыва, и обиженно поднял голову.

Цуй Сянь уже открыл рот, чтобы выругаться, но тут осёкся. Потому что глаз у того действительно не было. Он и правда был слепым призраком.

Цуй Сянь цокнул языком, достал Кисть Судьи, бережно макнул её в ещё не высохшую кровь на своей ладони и быстро поставил на совершенно чёрной голове призрака две точки-глаза. Две маленькие красные точки на чёрной голове с тихим гудением пошевелились, словно сами ещё не понимали, что произошло.

Цуй Сянь удовлетворённо закончил работу, а затем одним пинком отправил вновь прозревшего призрака в сторону безголового великана.

— Смотри внимательно! Вот он! На него!